

Охота на кабана

В промежутке между современностью и историей, когда реальные события видятся уже не столь отчетливо, настоящих свидетелей почти не осталось, но еще многим кажется, что они тоже свидетели, появляется на свет немало исторических небылиц. Порой это выдумки, преследующие цель очернить или приукрасить политическую личность; иногда это просто выдумки ради выдумки, когда занимательные, когда не очень. В одной из книг очень плодovitого историка Николая Зеньковича я прочитал политически-охотничью байку, воспроизведенную со слов Шелепина, якобы (так пишет Зенькович) считавшего Козлова неумным, очень ограниченным человеком.

«Помню случай на охоте в Беловежской пуще, – передает Зенькович рассказ Шелепина. – Поставили нас по местам, и оказалось, что Козлов стоит на номере рядом с Хрущевым. Кабана, конечно, на них погнали. Выстрел – кабан лежит. Тут Фрол расхвастался: “Хорошего кабана я завалил”. “Нет, это я”, – возразил Хрущев. – “Нет, я”. Стали спорить, а Хрущев был самолюбив, упрям. Достает свои пули: “Вот мои пули, – вот его, режьте кабана!” Ну и оказалось, что пуля Хрущева. Тот приказал ее вымыть и с тех пор всегда носил с собой. На заседаниях вынет ее, играет ею, постукивает по столу. Фрол мертвел при виде пули. С

тех пор и заболел. Вскоре после этого случая у Козлова произошел инсульт, после которого возвратиться к работе уже не смог. От бывшего здоровяка осталась тень. Хрущев, по-видимому, из гуманных соображений сохранил за Фролом Романовичем место члена Президиума ЦК КПСС».

У Шелепина, казалось бы, не было никакого резона не любить Хрущева, тот его постоянно продвигал. Но реальная жизнь не всегда подчиняется законам логики. Шелепин возненавидел отца за то, что на закате жизни был вынужден постоянно оправдывать свое предательство, активное участие в 1964 году в заговоре против Хрущева. Нередко пытаются найти самооправдание через очернение жертвы. Вот и выдумывал он всякие гаденькие «свидетельства». Зенькович, партийный работник из Белоруссии времен Брежнева, отца не знал, лично к нему никаких чувств не питал и не питает, но ему полагалось не любить Хрущева по должности, осуждать его «волюнтаризм и субъективизм».

Я бы не останавливался на этом незначительном эпизоде, если бы высосанная из пальца история с пулей и кабаном не напомнила мне реальное происшествие, имевшее место в Завидово.

В Беловежье отец действительно охотился, но только находясь в отпуске, и компанию ему составляли не москвичи, а местные руководители, из них мне запомнился только Мазуров. Иногда наезжали соседи-поляки Гомулка с Циранкевичем, реже – украинец Подгорный. Еще одно замечание. Я с отцом охотился регулярно, но ни Шелепина, ни Семичастного отец на охоту не приглашал.

Итак, Завидово, начало января 1960 года. Егеря, как обычно расставляют стрелков в цепь, загонщики рассыпаются с противоположной стороны лесной делянки, чтобы гнать на них зверя. Кириченко, тогда уже фактически отставлен от власти, но не от охоты. Егерь по привычке указал ему место слева от отца, дальше расположились Брежнев, Малиновский, Гречко, Чуйков, Козлов, Москаленко, Полянский. Все они – давнишние охотничьи компаньоны Никиты Сергеевича. Мне отвели позицию справа от отца. Убедившись, что на линии огня никого нет, старший егерь дал команду к началу загона. Портативные радиопереговорные устройства появились позже, охотничьего рога у него не имелось, и он мастерски дудел в ствол своего ружья. Вдали раздались крики, звуки горнов и трещоток.

Рассказывают массу баек о «царской охоте» советских руководителей, о прирученных косулях, заранее спрятанных в клетках кабанах, которых в нужный момент выпускали на охотников. Возможно, впоследствии так и происходило, но во времена Хрущева гнали дикого зверя, если он оказывался в избранном участке леса. Чаще не зверь не обнаруживался, и большинство загонов проходило впустую. Поднять за охотничий день одного-двух кабанов и пару зайцев считалось большой удачей.

В тот загон на отца выскочил кабан. Он бежал наискосок, в направлении Кириченко, подставляя отцу под пулю левый бок. Более удобную охотничью позицию трудно вообразить. Отец вскинул ружье, я тоже, но от меня зверь оказался слишком далеко. Отец прицелился и выстрелил жаканом, заряжаемой в гладкоствольное ружье свинцовой пулей. Кабан на мгновение присел, стоявший рядом с отцом Литовченко, его телохранитель, вполголоса воскликнул: «Готов!» Но кабан не упал, а, шатаясь, продолжал бежать. И тут по нему выпалил Кириченко. Кабан свалился замертво.

– Мой! – раздался возглас Кириченко.

– Тише, – прошипел отец.

Больше в тот загон дичи не подняли. Когда все закончилось, охотники сгрудились у кабана.

– Мой, – настаивал Кириченко.

– Позвольте, – возразил отец, – я стрелял первым и точно попал. Вы же уже стреляли по практически убитому зверю.

– Но упал-то он после моего выстрела, – горячился Кириченко. – Вы, скорее всего, промазали.

Я уже рассказывал о «ноздревском» характере Кириченко – стремлении во что бы то ни стало обжегить партнера, неважно, будь то мена ружьями или шляпами, или спор из-за кабана. Отец стрелял отлично, гордился своей меткостью, и обидное слово «промазал» задело его за живое.

– Как это промазал? – возмутился отец. – Давайте назначим экспертизу.

«Судьей» выбрали маршала Гречко, он любил такие представления и охотно соглашался. Отец шутливо запротестовал – сын Кириченко женат на дочери Гречко, они родственники, и объективности от Гречко не дожدهшься. Но маршал поклялся судить беспристрастно.

Еще несколько загонов прошло безрезультатно. Начало вечереть, и охотники направились в гостиницу, обедать. Егеря тем временем, в присутствии Гречко, снимали с кабана шкуру. В зверя попали две пули, но из туши достали только одну, другая прошла навылет. Судье предстояло определить, чья пуля оказалась смертельной. Отец стрелял в кабана сбоку, а Кириченко – почти в лоб. Боковой выстрел поразил кабана в ухо и вышел в глаз. В таких случаях смерть наступает практически мгновенно. Жакан не нашли. Лобовой жакан прошел между передних лопаток и, не задев сердца, застрял в теле. Выстрел тоже смертельный, но, после него кабан мог бы пробежать еще не один километр.

Вернувшись к обедавшим, Гречко с заговорщицким видом вытащил из кармана расплюснутый кусочек свинца, поднял его над головой и торжественно провозгласил: «Он принадлежит Олексе!», то есть Кириченко.

– Что я говорил? – заулыбался Кириченко и, повернувшись к отцу, добавил: – Я же говорил, вы промазали.

Отец насупился и уставился в тарелку. Гречко, не садясь за стол, держал паузу. Насладившись произведенным эффектом, он закончил фразу: «Но убил кабана другой жакан. Смерть наступила от выстрела Никиты Сергеевича, и он, согласно обычаю, награждается еловой веточкой».

Гречко протянул отцу награду. Еловую веточку обычно втыкали удачливому охотнику в шапку. За столом к лысой голове отца ее пристроить не удалось, и Гречко положил веточку сбоку от его тарелки. Теперь уже победно улыбался отец, а Кириченко обиженно засопел.

– Пошли вы все к дьяволу, подхалимы проклятые, – вдруг закричал он, выскочил из-за стола и ринулся к двери.

– Олекса, – обескураженный Гречко попытался его остановить.

– Товарищ Кириченко, это всего лишь охота, – вторил ему отец. Но Кириченко их уже не слышал, он сорвал с вешалки пальто и, хлопнув дверью, не попрощавшись, уехал в Москву.

– Это всего лишь охота, – расстроено повторил отец. Присутствовавшие подавленно молчали. Гречко попытался пошутить, но безрезультатно. Настроение у компании испортилось.

На следующий день Кириченко извинился перед отцом и Гречко, посетовал, такой уж у него характер. Вот, собственно, и вся история.

Подобные происшествия на охоте не редкость, я был свидетелем не одного разбирательства, а однажды и участником. Мы тогда не поделили с отцом утку. Я тоже заспорил было с отцом о приоритете на охотничий трофей и – проиграл. Дело было так. Я расположился на болоте в камышах в паре сотен метров от отца. Охота шла так себе, и тут над ним пролетела утиная стая. Выстрел. Птицы встрепнулись, но продолжали полет, правда, одна шла как-то неуверенно, с натугой. Поблизости от меня утка начала круто планировать – верный признак смертельного ранения, но я, в охотничьем запале, не обратил на это внимания, выпалил их

обоих стволов, и утка упала замертво. Только успел я ее подобрать и засунуть в ягдташ, как из зарослей появился отец с егерем, внимательно осматривающим поверхность воды.

– Ты тут утку не видел? – спросил меня отец.

– Твою нет, а вот эту я только что убил, – я вытащил из ягдташа свою добычу.

Вспоминая предсмертный утиный полет, я все яснее понимал, что правда не на моей стороне.

– Но упала только одна утка, ваша, Никита Сергеевич, – вмешался егерь.

– Но это мой сын, – не очень логично отвечал отец. Ему явно не хотелось портить мне настроение.

Но настроение уже испортилось, к тому моменту все происходившее прокрутилось в моей голове, и последние сомнения отпали, я стрелял в уже убитую утку и, судя по ощущениям, промазал. Я вытащил утку из ягташа и молча протянул ее отцу.

– То-то же, а вы говорите – сын, – проворчал егерь.

Мне стало стыдно, и я покраснел.

– Ничего, ничего, такое с каждым случается. Ведь стреляли мы оба, – разрядил обстановку отец.

Мы разошлись, каждый своей дорогой, но охота меня больше не радовала, стрелял я кое-как и домой вернулся почти без добычи.

Так что на охоте всякое случается.

Другое дело – с Козловым вообще ничего подобного не происходило, и сувенирной пули отец в кармане не носил. Возможно, что Шелепин услышал о «кабаньей» истории с Кириченко от отца или от Гречко, они оба в хорошей компании любили порассказать о своих охотничьих приключениях. А потом вспомнил про тот случай и счел политически выгодным все переиначить. А может быть, за треть века, прошедшие между охотой и его собственными воспоминаниями, просто позабыл детали происшествия, свидетелем которого он не был. И блестящая пуля тут совсем не к месту. Шелепин не был охотником, иначе бы он знал, что во время охоты загоном, пулями из нарезного оружия не стреляют, они летят далеко и могут наделать бед. Охотятся с гладкоствольными ружьями, их заряжают или картечью, свинцовыми дробинами полсантиметра в диаметре, или единственной, более крупной, свинцовой картечиной, называемой жаканом. Он летит метров на семьдесят, в пределах видимости, а потому относительно безопасен. Попад в цель, свинец деформируется до неузнаваемости, жакан превращается в бесформенную лепешку. Автор же, не знаю кто, Шелепин или Зенькович, вообразил себе винтовочную пулю в блестящей твердой, никелевой оболочке, действительно годящуюся на сувенир.

Так некоторые историки превращают охотничьи байки в «историю».